

Николай Брешко-Брешковский

**Четыре звена Марка
Алданова**

Николай Николаевич Брешко- Брешковский

Четыре звена Марка Алданова

«Останавливаться на том, что уже писалось и говорилось об Алданове, не будем. Зачем повторять известное: что в романах своих, исторических и бытовых, он талантлив, изысканно умен и тонок, ж этими тремя качествами заставляет себя читать, даже тех, кто требует лишь только захватывающей фабулы, но, не находя таковой у Алданова, вполне удовлетворится, и как? – великолепными этюдами большого мастера...

Что-же еще?

Стоит на одном из первых мест в библиотеках, в отчетах книжных магазинов и переведен на без малого двадцать языков...»

**Николай Брешко-
Брешковский
Четыре звена Марка
Алданова**

Остановившись на том, что уже писалось и говорилось об Алданове, не будем. Зачем повторять известное: что в романах своих, исторических и бытовых, он талантлив, изысканно умен и тонок, ж этими тремя качествами заставляет себя читать, даже тех, кто требует лишь только захватывающей фабулы, но, не находя таковой у Алданова, вполне удовлетворяется, и как? – великолепными этюдами большого мастера...

Что-же еще?

Стоит на одном из первых мест в библиотеках, в отчетах книжных магазинов и переведен на без малаго двадцать языков...

Вас интересует, что сам о себе говорить этот писатель, столь же культурный, сколь и скромный, настоящей, не показной, скромностью...

Но, именно, в этой скромности – какое-то сдержанное сознание своей силы и своей независимости.

Вот почему на столбцах республиканских газет Алданов позволяет себе то, чего на этих же самых столбцах не дерзнул бы никто другой...

В своем большом очерке о низложенном, вернее, «само-низложившемся» короле испанском Альфонсе XIII, он несколько раз повторяет, что экс-монарх был поистине государственным человеком и процветанием своим за последние десятилетия Испании обязан ему не мало...

От всей плотной фигуры Алданова веет каким-то прочным, установившимся спокойствием. И так же спокойно-же длителен он в движениях, и так же спокоен блеск его светлых глаз, когда он говорит вдумчиво и благожелательно глядя на собеседника...

– ...Я родился в богатой семье киевских сахарозаводчиков. Это дало мне счастливую возможность идти навстречу своим стремлениям и путешествовать, путешествовать без конца! Единственная часть света, в которой я не был, – Австралия...

Материальная независимость дарила меня возможностью посвятить себя двум редко совместимым богам: литературе и... химии... Я – химик и, по словам моего профессора Анри, – подававший надежды, – улыбается Алданов ясной, слегка застенчивой улыбкой. – Мое

первое литературное произведение – книга о Толстом, весьма благосклонно встреченная критикой и, особенно, делавшим «погоду» в этой области покойным Айхенвальдом. Я в глаза никогда не видал Айхенвальда и, поэтому, особенно ценю его отзыв. Книга моя вышла до войны. Всю мою литературную карьеру пришлось делать уже в эмиграции. Но ни мой успех среди зарубежных соотечественников, ни переводы на девятнадцать иностранных языков, никогда не могли заглушить чувство горечи, вытравить сознание, что расцвет мой не пришелся в России, сто шестидесяти миллионной России, так много читавшей и с годами проявлявшей стихийную жажду чтения. Никакие переводы не могут заменить подобной утраты необъятного, родного, близкого, «своего рынка».

С началом военных действий, – я только только успел прибыть к ним из-за границы, – уже не до литературы было. Меня мобилизовали. Но ни передовых позиций, ни подвигов, не ждите, – новая подкупающая улыбка. – Я надел форму тылового зем-гусара и, как химик, занялся удушливыми газами, с откоман-

дированием на соответствующие заводы. А дальше, дальше все так знакомо: революция, бегство, скитания, Париж... и первая книга на чужбине «Святая Елена, маленький остров».

Вы спрашиваете, да и не только вы, к каким из моих романов больше у меня лежит сердце – историческим, или современно бытовым? Я отвечу – к последним, хотя имя сделали мне, главным образом исторические книги и, особенно, «Девятое Термидора», самая слабая из моих вещей, ничуть меня не удовлетворившая...

* * *

Вспоминая «Десятую симфонию», вы вспомнили встречу императрицы Евгении с художником Изабэ. Я остановился на этом с особенной бережной любовью. У меня всегда было какое-то мистически-благоговейное чувство к живой, человеческой «цепи», соединяющей исторические звенья... Как-то до войны еще, в Париже, я на Рю де ла Пэ перед витриною ювелира Картье. Подъезжает карета. Сухой, высокий старик под руку высаживает даму в глубоком трауре со следами замечательной красоты. Это была императрица Ев-

гения, а старик – ее личный секретарь Пьетри... Я шел под впечатлением этой встречи. Я только что увидел одну из самых трагических венценосиц... Шестьдесят пять лет тому назад, тоже в центре Парижа, остановилась карета, из нея вышла молодая цветущая императрица и милостиво беседовала с почти восьмидесятилетним миниатюристом Изабэ, тем великим Изабэ, кто в ранней молодости своей писал портрет Марии Антуанетты...

Вот вам четыре живых звена, четыре поколения: я, императрица Евгения. Изабэ и... несчастная дочь Марии Терезии. Странно, до жуткого странно... И это, всегда меня волновавшее, я как мог и как умел, изобразил в своем романе...

Чем занят теперь?.. Продолжаю, – конец уже близок, – роман «Пещера»... Кончу и... «антракт»... На долго ли? Не знаю. Года на два – на три, может быть... Да и мыслимо ли, вообще, загадывать в наши дни, такие неустойчивые, такие призрачные!..

* * *

А сейчас, – повинуюсь вашему желанно, – интервьюер-это маленький тиран, хотя бы и

«получасовой» – сейчас о своем личном, уже не литературном, – а обывательском. Что-ж, как мой сосед – бистровщик, – пожалуйюсь: «Времена тяжелыя, сударь!» Печатаюсь, перевожусь, а между тем, только-только свожу концы с концами. Либо туго и мало платят, либо – это еще хуже! – совсем не платят... Благо так удобно валить все на «кризис»... Одно из отрадных исключений, – книгоиздательство «Слово». И его больно и крепко хватил «кризис», но оно аккуратно высылает все, что мне надлежит получить. Венгерский издатель должен был мне 1250 франков. Пишет: «И хотел бы перевести, – нельзя! Такой закон вышел!»... Короче, ценою сложных и нудных банковских комбинаций я получил свой гонорар, но в каком «общипанном» виде! Вместо 1250 – 800 франков. Но и за это – благодарение Господу!..

Мои вкусы? Привычки? Но по нынешним временам, отвыкать надо! Хочешь – не хочешь.... Люблю тонкую кухню, хорошия вина, ликеры... Люблю ездить верхом... Все недоступные удовольствия... Люблю, – это более доступно, – шахматы. Но, увы, шахматы «не

любят» меня. Игрок я прескверный!.. В этом нет никаких сомнений, ибо аттестат на горе-шахматиста выдал мне никто иной, как сам знаменитый Ласкер...

Уже 12 лет я женат на такой же, как и сам, киевлянке Татьяне Марковне Ратцевой... Живем по эмигрантски, в скромной квартирке с шаблонным убранством любой квартиры любого зубного врача... Вот и все.

Нет, еще не все!.. Желательно еще сказать то, чего сам М. А. Алданов никогда про себя не скажет...

Редкой благожелательности человек!..

Особенно же в писательском мирке Парижа и не подумавшем сплотиться па чужбине, в одинаково для всех тяжелых эмигрантских условиях...

Алданов рад всегда устроить одного, хлопотать за другого...

В долгих и тщательных восьмилетних подготовительных работах по присуждению нобелевской премии академику Бунину, – роль Алданова довольно видная и весьма активная. Он мобилизовал все свои знакомства и связи... Он волновался, горел и кипел едва ли

не больше, чем сам заинтересованный «лауреат».

А, между тем тот же Алданов по праву, с его популярностью не только в русском, но и, в обще-европейском масштабе, смело мог бы выставить свою собственную кандидатуру...

Н. Суражский.